

Учителя буквально рвали на себе волосы от досады и тревоги. Больше всего они боялись, что ребята сдадут экзамены хуже, чем планировали. Ведь если столичные вузы их отсеют, а запасных вариантов в заявлениях нет — всё, пиши пропало, останутся без образования! Какая нелепая, глупая растрата таланта! Ван Сюань и Ли Кай стабильно шли первыми в списках успеваемости, занимая первое и второе места. Даже если бы со столицей не выгорело, в любой другой университет их оторвали бы с руками. Но упрямцы наотрез отказались вписывать другие варианты. А это ведь ещё и по показателям школы ударит — прощай, высокий процент поступаемости!

Как бы то ни было, заполнив бланки, парни отдали их классному руководителю и пошли восвояси. По дороге к жилью они заглянули на почту. Ван Сюань решил звякнуть своему наставнику и доложить, что дело сделано — заявления поданы.

Учитель Ван Сюаня не преподавал в университетах. Он был известным на всю страну мастером традиционной китайской медицины, но, как ни странно, настоятельно советовал ученику поступать на отделение западной медицины. Идея старика была проста: в Столице юноша сможет официально осваивать современную науку, а в свободное время приходить к нему и постигать секреты древнего врачевания. Такой подход позволил бы Ван Сюаню глубже, со всех сторон увидеть сходства и различия двух систем. При этом наставник требовал от него безупречности в обоих направлениях — нужно стать лучшим из лучших. Официально Ван Сюань числился бы студентом-западником, а подпольно впитывал бы мудрость предков. К моменту выпуска старик обещал похлопотать и устроить его на экзамен для получения лицензии потомственного травника. С таким багажом парень смог бы лечить людей любыми методами, имея на руках все законные бумаги.

Сами ребята в этих тонкостях мало что смыслили, поэтому спорить не стали — раз учитель говорит, так тому и быть. В конце концов, медицина во всех её проявлениях была делом жизни Ван Сюаня. Что же до Гоуданя, тот без утайки заявил, что хочет научиться заколачивать бешеные деньги и открыть своё дело. Ему без лишних слов присоветовали подать на управление экономикой, что он с радостью и сделал.

А нежелание вписывать другие города объяснялось просто: парни верили в свои силы. Да и Столица манила их с самого детства, став настоящим наваждением. Если не туда, то куда ещё? Как тогда Ван Сюаню учиться у своего мастера? О возможности провала они даже не задумывались.

После почты они заглянули в больницу проведать Дачжуана. Тот всё ещё оставался под присмотром врачей. Осознание того, что теперь он калека, далось ему тяжело — первые недели парень чернее тучи ходил. Но, глядя на убитых горем отца с матерью, он устыдился своей слабости и взял себя в руки. На его плечах лежала забота о троих детях: старшему пацану едва исполнилось четыре с половиной года, дочке шёл третий год, а младшенький вообще только-только родился. Когда Дачжуан выл от безысходности, не зная, как теперь жить в обнимку с костылями, родные сквозь слёзы твердили лишь одно: «Главное — живой!» И он понял, что расслаживаться и жалеть себя просто не имеет права.

Теперь он послушно выполнял все предписания врачей. Лишиться ноги — испытание страшное, а дикая, выкручивающая боль на месте ампутации изводила его круглые сутки. Тем

не менее каждый день, стиснув зубы до хруста, он поднимался и, опираясь на холодную больничную стену, делал шаг за шагом. Пройти сегодня на два шага больше, чем вчера, уже считалось огромной победой.

Остальных пострадавших уже выписали. Младшие брат и сестра Даню забрали его домой, чтобы выхаживать в родных стенах. Дафу, как только раны немного затянулись и он смог самостоятельно подниматься, тоже предпочёл уехать. Лежать в больнице было накладно, семейный бюджет трещал по швам, так что решили просто приезжать на перевязки и осмотры. Каменоломня, надо отдать ей должное, выплатила компенсацию. Сумма оказалась скромной, но по деревенским меркам и это хлеб. Многие решили припрятать эти деньги на чёрный день — кому-то на свадьбу пригодится, кому-то на другие важные нужды. Тяжёлые травмы теперь приходилось лечить домашним покоем; когда становилось совсем невмоготу, мужики либо терпели, сжав зубы, либо вымаливали у врачей копеечные обезболивающие.

Завидев вошедших ребят, Дачжуан слабо улыбнулся:

— Отмучились уже? Экзамены позади?

— Всё, — отозвался Гоудань, присаживаясь на табурет у кровати. — И заявления заполнили. Ты-то как себя чувствуешь?

— Да полегче уже. Домой собираетесь?

— Ага. Давно у бати не были, надо навестить. Передать твоим чего?

Ван Сюань тем временем осторожно взял Дачжуана за запястье, прощупывая пульс, а затем скользнул взглядом по свежей повязке на культе.

— Затягивается хорошо, — негромко сказал он. — Главное, брат Дачжуан, нос не вешай. Разрабатывай ногу потихоньку, изо дня в день. Сначала непривычно будет, а там оботрёшься, полегчает.

Дачжуан негромко, хрипло рассмеялся:

— Ну надо же! А-Сюань у нас с малых лет в доктора метил. Теперь вся надежда на тебя. Свой врач под боком — это ж милое дело, хоть на лекарствах не разоримся!

— Так я и подал на медицинский, — улыбнулся Ван Сюань. — Правда, как сдал — бог весть. Надо результатов ждать. Но если выгорит и выучусь как надо, с вас за лечение ни копейки не возьму. При любом простудище — сразу ко мне.

— Поступишь, даже не сомневайся, — подбодрил его раненый. — Вы с Гоуданем с самого детства головастые были. Те книжки, на которые мы как бараны на новые ворота пялились, вы

в два счёта щёлкали. Обязательно поступите.

— Твоими бы устами да мёд пить, — кивнул Ван Сюань. — Коли поступим — закатим пир на всю деревню.

Дачжуан скосил глаза на тумбочку, куда ребята выложили принесённые гостинцы: десяток яиц и две жестяные банки солодового сухого молока.

— Опять потратились, — вздохнул он. — Ну зачем? И так тащили такую даль...

— Глупости не говори, — отмахнулся Гоудань. — Тебе сейчас силы восстанавливать надо. Лопай по паре яиц в день. А это молоко солодовое — штука знатная, сладкая. Слыхал, в больших городах свежее коровье продают, говорят, страсть какое полезное. Да где ж его у нас сыщешь? Так что пока этим обходись. И ребятне своей разведи, им тоже в радость будет.

Дачжуан спорить не стал — парни и так ради него наизнанку вывернулись, лишние церемонии только дружбу портят. Поболтав ещё немного, Ван Сюань и Гоудань засобирались в путь. Нужно было успеть на проходящий автобус до посёлка, пока солнце не раскалило землю добела.

Посёлок Сяньгоу

Около десяти утра они сошли на пыльную дорогу посёлка Сяньгоу. Солнце уже палило нещадно, заливая всё вокруг ослепительным, дрожащим светом. Соломенных шляп у них с собой не было, так что пришлось сорвать придорожные раскидистые листья и соорудить из них подобие зелёных венков на голову — хоть какая-то защита от зноя. Воздух над землёй закипал, плавился и дрожал, превращая дальние холмы в зыбкое марево.

Ли Сы не чаял души в приехавшем сыне. Радости его не было предела. Он заранее сбегал в огород, сорвал первый спелый арбуз и опустил его в бадью с колодезной водой — пусть охладится к обеду, чтобы приятнее было резать. Чем взрослее становился парень, тем реже они виделись из-за этой учёбы. Старик жил от каникул до каникул, коротая дни в пустом доме в полном одиночестве.

В народе говорят: растишь сыновей, чтоб в старости было кому стакан воды подать. Но дело ведь не только в куске хлеба или тёплой рубашке. Разве не хочется просто видеть родную душу рядом каждый день, знать, что всё в порядке, и спать со спокойным сердцем? Но Гоуданю суждено было улететь из гнезда, и с каждым годом этот путь уводил его всё дальше. Ли Сы всем сердцем желал сыну выбиться в люди, получить приличное образование, но порой втайне завидовал соседям, чьи дети оставались в деревне, пусть даже простыми пахарями.

— Батя, а когда ты арбузы-то в огороде посадить успел? — удивился Гоудань. — Почему я ничего не знал?

— Да откуда тебе знать, — беззлобно проворчал Ли Сы. — Ты как домой заявляешься, в огород дай бог пару раз заглянешь, где ж тебе заметить.

— А я вот знал, — усмехнулся Ван Сюань, глядя на друга. — Я ведь сам семена и привёз, позабыл, что ли?

— Хоть убей, не помню, — честно признался Гоудань. Видимо, Сюань тогда обмолвился, да у него из головы вылетело.

— Ты же сам талдычил, воротившись из Южных регионов, какие там арбузы сахарные, — улыбнулся отец. — Вот я и подумал: неужто у нас не приживутся? Наказал вам обоим семян раздобыть при случае, да только А-Сюань памятью и оказался крепок.

— Ну так какая разница! — рассмеялся парень. — Что А-Сюань вспомнил, что я — всё одно.

Ли Сы кивнул, утирая пот со лба:

— Да я так, приткнул у забора в пару лунок. Сейчас проверил — штуки три поспели, остальные ещё совсем зелёные, пусть наливаются. Привередливая ягода, скажу я вам. Как коровьяка подсыпал, ботва попёрла дружно, да только завязи то и дело опадали. Кое-как эти несколько штук выходил.

Старик мечтательно прищурился:

— Вот поедим сейчас, семечки выплюнем — вы их соберите, подсушим. На следующий год опять посадим, будете лакомиться.

— Дядя Ли, с этих семян толку не будет, — покачал головой Ван Сюань. — Урожай с них не соберёшь. Новые сорта сейчас такие пошли: посадить-то посадишь, да они либо вовсе не взойдут, либо пустоцветом пойдут. Это только со старыми, проверенными сортами можно свои семена оставлять.

— Как так? — удивился старик. — Опять, выходит, покупать надо? У тебя же с прошлого раза ещё оставались семена, давай их и пустим в дело по весне.

— Отец, семена долго не хранятся, всхожесть теряют, — пояснил Гоудань. — Если охота будет возиться, я в следующем году свежих привезу, делов-то.

Ли Сы только сокрушённо головой покачал:

— Чудные дела творятся... Раньше всё своё было. Ладно хоть зерно под посев сами отсыпаям, из закромов. Арбузы-то у нас отродясь никто не сажал, землю под них переводить дураков не

водилось. А тут мало того что покупать приходится, так ещё и семечки пустые.

— Ну ты сравнил зерно с арбузами! — хмыкнул Гоудань. — Зерно — дело святое, его испокон веков сами берегли. Если б крестьянин не мог свои семена на посев оставить, полстраны с голоду вымерло бы!

Наивный парень и представить себе не мог, что пройдёт много лет, и на полях действительно появятся новые гибридные культуры. Они будут давать невиданный урожай, но собрать с них семена для следующего сева окажется невозможно — за новыми зёрнами каждый раз придётся идти на поклон к государству и селекционерам. Но никакого голода из-за этого не случится.

В родном доме они провели три дня. За это время успели обойти всех старых приятелей. Эти летние дни ничуть не походили на прежние каникулы. Раньше стоило ребятам приехать, как двор Гоуданя мгновенно наполнялся гомоном и смехом — друзья слетались со всей округи. Теперь же стояла глухая, гнетущая тишина. Ханьвы больше не было на свете. Дачжуан с Дафу зализывали тяжёлые раны, а остальные, отделавшись испугом да мелкими царапинами, сидели по домам. Родители, до смерти напуганные трагедией на каменоломне, носа не давали парням высунуть за ворота.

Уездный город

Вернувшись в арендованный домик в уезде, парни принялись не торопясь распродавать остатки припрятанного товара. Если чего-то не хватало или поступали новые заказы, они созванивались с Сяо Цянем, и тот оперативно высылал посылки. Юный гид уже учился в средней школе, но хватку имел мёртвую — пронырливее малого надо было ещё поискать. Его семья открыла небольшую закусочную, дела пошли в гору, так что водить туристов за гроши он перестал. Вместо этого парнишка заделался заправским перекупщиком, поставляя дефицит бывшим клиентам.

За годы знакомства они неплохо сработались и даже сблизились, но малец, несмотря на юный возраст, в делах спуска не давал. Дружба дружбой, а табачок врозь — коммерцию и личные отношения он разграничивал идеально.

Прошло недели две, и залежалый товар стремительно превратился в хрустящие пачки купюр. Выручка превзошла все ожидания, увеличив их скромный капитал в несколько раз — карманы приятно потяжелели. Оставшуюся мелочёвку они придерживали, не торопясь и выторговывая цену повыгоднее.

— Долго мы на такой спекуляции не протянем, — заметил как-то Гоудань, пересчитывая выручку. — Поговаривают, статью за спекуляцию и перепродажу вообще скоро отменят. Любой сможет торговать в открытую, законно. Вот только нашему уезду до размаха Южных регионов ещё расти и расти. Эх, был бы у нас свой магазинчик, чтоб разложить на прилавках все эти новинки Южных регионов... Очереди стояли бы километровые!

— И кто там за прилавком стоять будет? — резонно возразил Ван Сюань. — Ты или я? Нам

обоим уезжать на учёбу. Да и не продаёт тут никто готовые лавки.

— Слушай, а давай выкупим этот дом, который сейчас снимаем? — загорелся Гоудань. — Под склад или перевалочный пункт — милое дело. А через десяток-другой лет, глядишь, и цена на него поднимется.

Парень, конечно, больше шутил. Уезд хоть и менялся, но черепашьими темпами. Куда им до бурно развивающихся южных Специальных экономических зон! Земля здесь ценилась не дороже грязи.

Разговоры об инвестициях в недвижимость ради будущей выгоды были чистой воды баловством. Откуда у вчерашнего школьника, ещё не переступившего порог университета, взяться дальновидности, чтобы предугадать грядущий строительный бум и бешеный рост цен на землю? В те годы внутренние провинции Китая десятилетиями оставались неизменными. И всё же собственное жильё в городе — штука крайне удобная. Пусть сейчас они уедут покорять столицу, но ведь когда-нибудь обязательно вернутся назад.

— А что, мысль здравая, — подумав, согласился Ван Сюань. — Возраст позволяет сделки совершать. Вопрос только в том, согласится ли хозяин.

Цены на частные дома на окраине уезда они уже прикидывали — накоплений хватало с лихвой. Последняя сделка принесла им столько, что покупка жилья даже не пошатнула бы их будущий студенческий бюджет. Так, приятные карманные расходы.

<http://bllate.org/book/19654/1996783>